УДК 811.116.1’282.2

Т.Ю. Игнатович

ПРОЦЕСС ИНТЕГРАЦИИ ГОВОРОВ СЕВЕРНОРУССКОГО И ЮЖНОРУССКОГО ГЕНЕЗИСА НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ

В статье рассматривается процесс интеграции современных говоров севернорусского и южнорусского генезиса на территории Восточного Забайкалья. Сопоставительный анализ выявляет регионализмы трех типов: 1) неустойчивые различительные регионализмы, 2) неустойчивые общие регионализмы, 3) общие относительно устойчивые регионализмы, которые дают основание предположить формирование наддиалектного единства – забайкальского региолекта.

Процесс интеграции, русские говоры, севернорусский и южнорусский генезис, забайкальский региолект.

The article considers the process of integration of modern dialects of North Russian and South Russian genesis on the territory of Eastern Transbaikalia. The comparative analysis reveals regionalisms of three types: 1) variable distinctive regionalisms, 2) variable general regionalisms, 3) general, relatively stable regionalisms which give reason to assume the formation of supradialectal unity – Zabaikalsky regional dialect.

Integration process, Russian dialects, North Russian and South Russian genesis, Transbaikalia regional dialect.

Забайкальский регион начал осваиваться русским населением со второй половины XVII века. На территорию раннего заселения (современные Нерчинский, Шилкинский, Балейский районы Забайкальского края) русские пришли из сибирских городов Тобольска, Илимска, Томска, Верхотурья, пополнявшихся первоначально уроженцами северных областей государства (Новгородской, Олонецкой, Вологодской, Архангельской, Вятской, Пермской губерний). Сначала осваивались земли в центральной части края вдоль рек Нерчи, Шилки, Унды, потом пошло расселение и в другие районы. Первопоселенцы говорили на диалектах севернорусского наречия, диалектная речь их потомков до сих пор сохраняет ряд черт материнского говора.

В середине XVIII века на юго-запад региона стали прибывать так называемые «семейские», старообрядцы, высланные из Черниговской (Стародубье) и Могилевской (Ветка) губерний. В настоящее время потомки «семейских» проживают в Красночикойском, Хилокском районах. Говоры семейских сохраняют диалектные особенности южнорусского наречия, которые были принесены «семейскими» с территории первоначальной родины (территории говоров Курско-Орловской группы, среднего и верхнего течения Дона) [2, с. 9]. Со времен прихода русских в Восточное Забайкалье было несколько переселенческих волн из разных регионов страны, в том числе из центральных и западно-сибирских.

Таким образом, русские говоры Восточного Забайкалья сложились сравнительно поздно: формирование их началось со второй половины XVII века с приходом на территорию Забайкалья первых русских поселенцев. В языковом отношении забайкальские русские говоры не представляют собой однородного образования, так как имеют различия в материнской основе и в ходе развития подвергались междиалектному и иноязычному влиянию.

На территории Забайкальского края в сельской местности в настоящее время наблюдается бытование следующих территориальных разновидностей русского национального языка:

– в центральных районах – говоры севернорусского происхождения,

– повсеместно распространены смешанные переходные говоры,

– на юго-западе региона находится ареал семейских говоров южнорусского происхождения. Здесь же встречаются говоры, проявляющие севернорусские диалектные черты.

Исследование современного состояния русской народной речи на территории Восточного Забайкалья показывает определенную степень сохранения различительных диалектных особенностей, доставшихся от материнских говоров. Яркий региональный колорит русские говоры Забайкалья приобрели в результате воздействия языков коренных жителей, это нашло заметное отражение на лексическом уровне в виде заимствований из бурятского и эвенкийского языков, однако в настоящее время происходит процесс утраты части заимствований из автохтонных языков в связи с утратой реалий, которые они обозначали, или заменой их общерусскими синонимами, а также в связи с общим процессом ослабления локального межъязыкового влияния.

Активно проявляют себя в русской региональной народно-разговорной речи, в том числе и на территории Восточного Забайкалья, интеграционные процессы, которые происходят в русле общемирового процесса глобализации. Наблюдающиеся в частных диалектных системах изменения свидетельствуют об их сближении, трансформации, о нивелировании различительных и выработке ряда общих локальных черт.

В настоящее время в русской народно-разговорной речи на территории Восточного Забайкалья системные диалектные особенности находятся в процессе утрачивания, даже в речи сельских жителей преклонного возраста широко распространена вариантность в употреблении диалектных, литературных, просторечных языковых средств.

Обе группы диалектов разных материнских основ испытывали и испытывают влияние литературного языка (усиление этого влияния наблюдалось во второй половине XX века с распространением повсеместной грамотности, радио, телевидения, печатных СМИ), воздействует близкое и длительное соседство с акающими среднерусскими говорами более поздних переселенцев. Говоры семейских также испытывают влияние соседствующих русских старожильских говоров.

Нивелирование диалектных особенностей в говорах севернорусского и говоров южнорусского происхождения происходит также под влиянием общенародного просторечия, но в целом в говорах южнорусской основы в силу экстралингвистических причин (удаленность от краевого, районного центров, определенная социокультурная замкнутость, связанная со стремлением сохранить «семейские» культурные традиции, сформированные на старообрядческой культуре и мировосприятии, и др.) изменения протекают медленнее, чем в центральных говорах Забайкальского края, сформировавшихся на севернорусской основе.

Ослабление в последнее десятилетие влияния литературного языка из-за социально-экономических обстоятельств развития страны продвигает забайкальские говоры к общенародному просторечию. Речь деревенских жителей также жаргонизируется. В отличие от богатой литературной языковой системы, общенародное просторечие и жаргоны приводят к обеднению территориальных диалектов.

При утрате ряда материнских диалектных особенностей, различающих забайкальские русские говоры, сохраняются некоторые наиболее устойчивые региональные элементы, которые становятся общими для обеих региональных подсистем и дают основание предположить формирование наддиалектного единства – забайкальского койне (регионолекта).

В забайкальских говорах выделяются регионализмы трех типов: 1) регионализмы, которые различают две региональные подсистемы, но характеризуются неустойчивостью и в настоящее время утрачиваются, заменяются общерусскими вариантами; 2) регионализмы, которые в настоящее время присущи обеим группам говоров, но характеризуются неустойчивостью и в настоящее время заменяются общерусскими вариантами; 3) регионализмы, которые присущи обеим группам говоров, но характеризуются относительной устойчивостью и маркируют забайкальский регионолект. Для установления регионализмов, встречающихся в говорах севернорусского происхождения, используются собственные многолетние наблюдения; для установления регионализмов, встречающихся в говорах «семейских», используются данные результатов исследований Т.Б. Юмсуновой [4], В.И. Копыловой [2], П.Ф. Калашникова [1] и свои собственные наблюдения, полученные в экспедиции в Красночикойском районе в 2004 г.

Неустойчивые различительные регионализмы, заменяющиеся общерусскими вариантами

1. В подсистеме ударного вокализма в сильной позиции (под ударением) в говорах обеих групп на территории Восточного Забайкалья, как и в литературном языке, различается 5 гласных фонем: /и/, /у/, /е/, /о/, /а/. Следы существования в говорах севернорусской материнской основы особых фонем /ê/ и /ô/ встречаются в речи диалектоносителей преклонного возраста в спорадическом лексикализованном произношении отдельных слов: *с[и́]вер, св[и́]т, хл[и́]б* и в спорадическом произношении [ô] или дифтонга [уо]: *кор[ô]ва, дом[ô]в, вс[’ô], в[уо]лк.*

2. В безударном вокализме обе региональные подсистемы постепенно переходят к недиссимилятивному аканью, после мягких согласных – к иканью.

В речи старшего поколения в говорах севернорусского генезиса еще наблюдаются разные типы безударного вокализма после твердых согласных (сосуществование аканья и оканья, унаследованного из материнских говоров; аканье со следами оканья; аканье), но не выявлено говоров с доминированием оканья. Речь молодого поколения акающая.

В говорах семейских Красночикойского района, в речи диалектоносителей всех возрастных групп наблюдается сильное (недиссимилятивное) аканье.

В речи традиционного слоя носителей исследователи В.И. Копылова, Т.Б. Юмсунова и Л.Л. Касаткин фиксировали диссимилятивное аканье, унаследованное из материнских говоров, с тенденцией перехода от диссимилятивной системы аканья к недиссимилятивной [2, с. 27], [4, с. 43], речи молодого поколения присуще недиссимилятивное аканье, т.е. в целом забайкальские говоры южнорусского происхождения также эволюционируют в говоры с недиссимилятивным аканьем.

По безударному вокализму после мягких согласных среди говоров севернорусского происхождения выявлены говоры, отражающие разные стадии перехода от еканья к иканью. Есть говоры, в которых в речи диалектоносителей преклонного возраста еканье – реликт материнского говора – сосуществует с иканьем, в ряде говоров наблюдается иканье со следами еканья, спорадически встречается так называемое сибирское яканье – произношение на месте безударных гласных неверхнего подъема [а^{е}] или [е^{а}]. Имеются говоры, в которых в речи старшего поколения наблюдается иканье. В речи диалектоносителей молодого поколения в исследуемых говорах распространен икающий тип безударного вокализма.

В говорах южнорусского происхождения в речи традиционного слоя диалектоносителей встречаются архаические типы: сильное яканье, диссимилятивное яканье жиздринского типа, еканье, но также отмечается и новый тип вокализма – иканье [4, с. 48]. Исследователи разных лет [1], [4] наблюдают изменение типов вокализма: диссимилятивное яканье > ассимилятивное яканье, сильное яканье > иканье. Речи представителей младшего поколения и части среднего поколения свойственно иканье, но встречаются и проявления яканья, еканья [4, с. 46].

Таким образом, в обеих региональных диалектных подсистемах даже в речи диалектоносителей старшего поколения наблюдается вариантность архаических типов и новых типов вокализма. Речь мо-

лодого поколения на всей территории Восточного Забайкалья характеризуется преимущественно новыми типами безударного вокализма (аканье и иканье), имеющими общерусский характер.

Под влиянием литературного языка, общерусского просторечия, соседствующих акающих среднерусских говоров в говорах разных генетических групп развивается общеязыковой процесс неразличения безударных гласных среднего подъема как в позиции после твердых согласных, так и после гласных по типу, унифицированному с другими надтерриториальными разновидностями языка.

3. В говорах севернорусского происхождения – звонкая задненебная фонема взрывного образования, в семейских говорах южнорусского происхождения наблюдается переход от произношения фрикативного согласного [γ] к взрывному [г]. В речи диалектоносителей традиционного слоя говора фрикативный [γ] наряду с взрывным [г] вариантно употребляется в интервокальном положении: *бе́[γ]ать – бе[г]ать* и на конце слова чередуется с [х]: *сне́[γ]а – сне[х]*. В речи молодого поколения доминирует произношение [г] взрывного. Таким образом, в обеих диалектных подсистемах устанавливается единое произношение звонкого взрывного задненебного согласного.

4. В говорах севернорусского происхождения фонема /в/ губно-зубного образования. В говорах семейских, по наблюдениям диалектологов, в речи старшего поколения наблюдается вариантность в произношении: в сильном положении фонема реализуется в билабиальном [w]: *тра[w]а́,* в слабых положениях выступает то в неслоговом [ў]: *колдо́[ў]ка, дро́[ў],* то в [у]-слоговом: *[у]торо́й*. Варианты [ў] и [в] встречаются перед звонкими шумными согласными и сонорными согласными: *пра́[ў]да - пра́[в]да, нядя́[ў]на - ста́[в]ни* [4, с. 78 – 90] и т.д. В речи традиционного слоя носителей наблюдается процесс замещения губно-губного [w] губно-зубным [в]. Речи молодежи уже свойственно произношение губно-зубного [в] независимо от позиционных условий. Для обеих региональных подсистем в перспективе вырабатывается единая фонема /в/ губно-зубного образования, совпадающая по образованию и с фонемой литературного языка.

5. В забайкальских говорах севернорусского происхождения, как и в литературном языке, имеются фонемы /ф/ и /ф’/, в речи диалектоносителей преклонного возраста отмечается определенная неустойчивость /ф/, которая проявляется в спорадической вариантной замене [ф] > [п]: *а[п]то́бус*, [ф] > [х]: *ко́[х]та, ва́[х]ли*, [х] > [ф]: *ку́[ф]ня, Ара[ф]ле́й* и др. В речи диалектоносителей среднего и молодого поколений /ф/ и /ф’/ устойчивы.

В речи семейских старшего и части среднего поколений в соответствии с /ф/ и /ф’/ литературного языка произносятся звуки [хв], [хф], [х] и [хв’], [хф’], [х’]: *сара[хв]а́н, сара[хф]а́н, [х]ронт, [хв’]и́рма, [хф’]и́рма, ши́[х’]ер* [4, с. 91] и т.п. В речи младшего поколения произношение совпадает с литературным вариантом. Тем самым имеется основа для вытеснения в перспективе в говорах семейских диалектных вариантов, установления в обеих подсистемах наддиалектного произношения.

6. В забайкальских говорах севернорусского происхождения унаследованной материнской чертой является позиционная мягкость шипящих. В настоящее время в данных говорах с разной степенью интенсивности проявляется процесс отвердения шипящих, но уже встречаются говоры, в которых шипящие только твердые. В говорах южнорусского происхождения шипящие твердые.

7. В говорах севернорусского происхождения утрачивающимся диалектным различием, которое встречается в речи диалектоносителей старшего поколения, являются результаты прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных: *Ва́[н’к’а], О́[л’г’а], перестро́[йк’а],* регрессивной ассимиляции по назальности [вн] > [мн]: *да[мн]о́*, [дн] > [н:]: *ла́[н:]:о,* [бм] > [м:]: *о[м:]а́н*. В речи старшего поколения диалектные варианты сосуществуют с общерусскими вариантами произношения, в речи деревенской молодежи данное диалектное различие уже не наблюдается, не характерно оно и для забайкальских говоров семейских.

8. В говорах семейских в речи диалектоносителей старшего поколения в форме Р. п. ед. ч. существительных женского рода на -а с твердой основой наряду с окончанием -е: *у жане́, да вайне́* употребляется окончание -ы: *у сястры́, по́сли вайны́,* возможно развившееся под влиянием литературного языка, окружающих говоров «сибиряков», в которых эта диалектная черта отсутствует. Утрачивающейся материнской чертой в говорах севернорусского происхождения является у существительных ж. р. продуктивного склонения окончание -ы в формах Д. п. и П. п.: *к весны́, на реки́,* такие формы также употребляются вариантно, наряду с общерусскими формами. В речи молодого поколения обеих региональных языковых подсистем употребительны наддиалектные варианты.

9. В речи диалектоносителей пожилого возраста говоров севернорусского происхождения спорадически встречаются у существительных ж. р. непродуктивного склонения преимущественно у слов с подвижным ударением формы Д. п. и П. п. с ударным окончанием -е, например: *к пече́, в грязе́*, но они активно вытесняются наддиалектными формами с окончанием -и, которые свойственны и речи молодежи. В говорах южнорусского происхождения в этих падежах употребляются общерусские формы.

10. В забайкальских диалектных подсистемах в речи диалектоносителей старшего поколения различаются формы местоимения 3-го л. мн. ч.: в говорах «сибиряков» употребляется вариант *оне́,* в говорах семейских – *оны́*. Диалектные формы конкурируют с наддиалектной формой *они́,* которая вытеснила их в речи молодого поколения диалектоносителей.

11. В говорах семейских в речи старшего и значительной части среднего поколения широко встречается употребление [т’] в окончаниях 3-го л. глаголов ед. и мн. числа независимо от спряжения: *несу́[т’], едя́[т’]* [4, с. 134 – 135], но диалектная форма конкурирует с общерусской формой на твердый [т], которая уже доминирует в речи молодого поколения. В говорах севернорусского происхождения форма 3-го л. глаголов ед. и мн. числа совпадает с общерусской.

Неустойчивые общие регионализмы, заменяющиеся общерусскими вариантами

1. В обеих диалектных группах в речи диалектоносителей старшего поколения как лексикализованное явление встречается под ударением произношение [ê] на месте [â]: *он*[ê]*ть, м*[ê]*чик,* [е] на месте [и]: *говор*[*е́*]*ть, говор*[*е́*]*л,* [’о] на месте [е]: *д*[’о]*ржит,* однако наряду с диалектными вариантами употребляется и наддиалектное произношение, в речи молодежи последнее является доминирующим.

2. В обеих региональных подсистемах в речи диалектоносителей старшего поколения фиксируются результаты лабиализации гласных в предударных слогах после твердых согласных, обусловленные межслоговой ассимиляцией гласных и соседством с губными и заднеязычными согласными: *кулупа́ю, мужуко́в, гулуби́ца, жумбура́.* В речи молодого поколения распространено наддиалектное произношение.

3. В обеих группах забайкальских говоров в целом фонемы /ц/ и /ч’/ различаются, но в речи некоторых диалектоносителей преклонного возраста встречаются следы мягкого цоканья: *[ц’]ай, све[ц’]а́,* случаи утраты затвора у аффрикаты *ц: [с]ветó́к, ку́ри[с]а.* В речи молодого поколения данные диалектные особенности уже не появляются.

4. Неустойчивость диалектных аффрикат проявляется в консонантизме севернорусского и южнорусского происхождений диалектоносителей преклонного возраста в виде сосуществования вариантов твердого [ч] и мягкого произношения [ч’], в речи молодых в настоящее время преобладает произношение мягкого [ч’].

5. Общим неустойчивым звеном для обеих региональных подсистем является категория ср. р., которая дает колебания в говорах севернорусского происхождения то в сторону м. р.: *молочко́ э́тот го́рький*, то в сторону ж. р.: *мя́су каку́ заре́жишь*, в говорах южнорусского происхождения ср. р. заменяется м. р.: *кры́льцо ста́рый.* В современных говорах это явление не прогрессирует, так как встречается в речи диалектоносителей старшего поколения. На наш взгляд, его проявления находятся в рамках общерусского процесса колебания рода существительных, которое проявляется в просторечии.

6. В обеих забайкальских диалектных группах существительное *це́рковь* в речи диалектоносителей старшего поколения имеет две парадигмы склонения: *це́рковь* по непродуктивному 3-му скл.: *у це́ркви, с це́рковью* и т.д. и *це́ркви* по продуктивному 2-му скл. ж. и м. р. на -а: *в це́ркву, под це́ркви* и т.д. Диалектная парадигма вытесняется общерусской моделью словоизменения, не фиксируется в речи молодежи.

7. В речи диалектоносителей старшего поколения в говорах обоих типов в И. п. мн. ч. Существительных, наряду с архаичными формами с окончанием -ы у существительных м. р. *внуча́ты, крестьяны, до́мы* и ср. р. *о́кны, боло́ты*, вариантно встречаются формы с окончанием -а: *бая́, знахаря́, окна́,* последние также присущи речи сельской молодежи. В целом а-экспансия в парадигме мн. ч., и в частности в И. п., является общерусским языковым процессом.

8. В говорах севернорусского происхождения в стадии утрачивания находится архаичная диалектная особенность – совпадение форм Т. п. с Д. п. по форме Д. п. у существительных и употребление Т. п. с окончанием -ам: *рука́м фсе де́лали*, нейтрализация Д. п. : Т. п. во мн. ч. по форме Д. п. распространяется и на имена адъективного склонения: *с больны́м рука́м, со свои́м детя́м.* Данная диалектная черта нерегулярно встречается в речи диалектносителей преклонного возраста, вытесняется общерусской формой, в речи среднего поколения, молодежи диалектная форма не наблюдается. Однако в говорах южнорусского происхождения в речи диалектоносителей старшего возраста унифицированная форма Д. п. и Т. п. мн. ч. по форме Д. п. остается более сохранной, так как встречается достаточно часто [4, с. 114 – 115], хотя и была привнесена, как считают исследователи, из северо-западной территории и поддержана соседними говорами «сибиряков» [4, с. 116]. Но и в говорах семейских в речи старшего поколения унифицированная форма конкурирует с общерусской формой, в речи молодого поколения доминирует наддиалектный вариант.

9. Общим неустойчивым регионализмом для обеих диалектных подсистем является форма Р. п. личных местоимений 1-го и 2-го л. ед. ч.: *у мине́, от тибе́,* а также форма Д. п. местоимения 1-го ед. ч. с основой без беглого гласного: *мине́ пло́тят*. Диалектные формы встречаются в речи диалектоносителей старшего поколения, наряду с общерусскими вариантами. В речи молодого поколения доминируют наддиалектные формы.

10. Общерусской формой инфинитива вытесняется в говорах обеих региональных подсистем диалектная форма на -кчи: *берекчи́, пекчи́,* которая даже в речи диалектоносителей преклонного возраста встречается редко. В речи молодого поколения архаическая форма не фиксируется.

11. Наряду с общерусской формой глагола ***идти***: *[ит’:и́]* употребляется повсеместно диалектная форма *[ит’и́т’]*. В речи молодого поколения доминирует общерусский вариант.

Относительно устойчивые регионализмы, общие для говоров севернорусского и южнорусского происхождения

1. Лексикализованный произносительный вариант с ударным гласным [и] на месте [е]: *[и́]сть, [и́]сь* распространен в обеих диалектных подсистемах в речи диалектоносителей всех возрастных групп, и, хотя параллельно также повсеместно употребляется наддиалектный вариант произношения с ударным [е], регионализм остается достаточно устойчивым в употреблении в русских говорах Восточного Забайкалья, по данным диалектологов, имеет общесибирское распространение.

2. В современных русских говорах Восточного Забайкалья наблюдается параллельная вариативность долгих [ш:] и [ш':], [ж:] и [ж':]. Несмотря на проявляющиеся в говорах две тенденции: приобретение мягкости и утраты долготы – долгие твердые шипящие остаются достаточно устойчивым регионализмом, так как употребляются повсеместно всеми возрастными категориями диалектоносителей.

3. Утрата взрывного в сочетаниях [ст], [с'т'] на конце слов *хвос, есь* в современных русских говорах Восточного Забайкалья встречается повсеместно и в речи всех возрастных групп. В настоящее время в русских говорах Восточного Забайкалья эта произносительная особенность остается устойчивой, поддерживается общерусскими физиолого-акустическими особенностями произношения согласных звуков в конце слова: спадом интенсивности и ослаблением конечного согласного после другого согласного.

4. В современных забайкальских говорах при распространенности внутри слова результатов регрессивной диссимиляции по способу образования [кт] > [хт]: *[хт]о, до́[хт]ор* параллельно употребляется общерусский вариант [кт], оба варианта функционируют практически равноправно. Однако на стыке предлога и корня преобладает употребление варианта [кт].

5. В современных русских говорах Восточного Забайкалья широко и повсеместно распространена утрата интервокального [j] с последующей ассимиляцией и стяжением гласных в личных формах глаголов, формах прилагательных, местоимений-прилагательных и порядковых числительных: *де́лат, ду́мам, бра́ва девка, като́ру неде́лю, тако́ дело, пе́рвы дни*. В говорах семейских появление стяженных форм А.М. Селищев объяснял влиянием говоров «сибиряков» [3, с. 238]. Несмотря на то, что в обеих региональных подсистемах вариантно употребляются и нестяженные формы, данная диалектная черта остается достаточно устойчивым забайкальским регионализмом.

6. В современных забайкальских говорах, наряду с сочетаниями согласных с [j], распространены ассимилированные сочетания согласных с [j] с результатом произношения долгого мягкого согласного: *воло́[с':]я, стака́[н':]я, сви[н':]я́, весе́[л':]е*. Этот регионализм встречается повсеместно и в речи всех возрастных групп.

7. В обеих региональных подсистемах в формах Р. п. и П. п. ед. ч. у существительных мужского рода 1-го скл. шире, чем в литературном языке, представлено окончание -у, которое встречается в бо́льшем круге значений Р. п., в словоформах неодушевленных существительных с вещественным, отвлеченным и конкретным значениями, а также у существительных собственных. Окончание -у наблюдается у слов с односложными, многосложными основами, в безударной и в ударной позициях. Отмечается употребление в Р. п. с этой флексией существительных ср. р. с ударением на основе. В говорах семейских в П. п. окончание -у встречается и у существительных одушевленных [4, с. 113].

8. В забайкальских русских говорах в Р. п. мн. ч. шире, чем в литературном языке, представлены формы на -ов, -ев: *из ногов́, зимовьев, фами́лев*, на -ей: *бра́тей, сту́лей*.

9. Повсеместно в речи диалектоносителей всех возрастных групп личные местоимения 3-го л. в косвенных падежах с предлогами чаще всего употребляются с корневым [j]: *у ей, к ему́, с ымя́*, но вариантно встречаются и общерусские формы с [н'].

10. В Д. п. и Т. п. личного местоимения 3-го л. мн.ч. *они́* наряду с общерусскими противопоставленными формами *им – и́ми* в забайкальских говорах широко употребительна унифицированная форма *имя́*: *к имя́, с имя́*.

11. Общим устойчивым для обеих диалектных подсистем является употребление местоимения *кто* в форме *ково́* вместо *чего́, что*, например: *ково́ де́лашь*? *ково́ наде́ть*.

12. В забайкальских говорах употребляются общерусские формы местоимений 3-го л. Р. п. с притяжательным значением: *ево́ хозя́йсво, ее дочь, их деревня*, но чаще всего данные формы оформляются окончаниями косвенных падежей, т.е. склоняются: *и́ха дочь, и́хи части, на ко́не на ево́м, и́хий сын, в и́хих руках* и т.д. Активно и повсеместно употребляются в речи диалектоносителей всех возрастных групп согласуемые формы притяжательных местоимений, которые образуются от форм Р. п. местоимений 3-го л. суффиксальным способом: *и́хний, и́хов, ево́шный, ево́ный, еешный, е́йный*.

13. Устойчивы в употреблении в обеих группах забайкальских говоров формы П. п. ед. ч склонения имен прилагательных и местоимений с окончанием -ым (-им): *в ста́рым до́ме, Не́рчинским райо́не, в э́тим до́ме, в каки́м-то лесу́*, которые являются рефлексом унификации с формой Т. п.; устойчивость, вероятно, поддерживается общеязыковым процессом унификации падежных форм по вертикали парадигмы.

14. В системе личных форм глагола повсеместно и в речи всех возрастных групп активно употребляются формы с унифицированными глагольными основами по основе на задненебный согласный: *пекем, текет*, также встречаются формы с выравниванием

глагольных основ по основе на зубной согласный: *скипятю́, водю́сь,* с последними конкурируют общерусские формы с чередованием согласных в глагольных основах: *скипячу́ – скипяти́шь.*

15. В забайкальских говорах в ряду конкурирующих предлогов ***из*** и ***с*** с обстоятельственным значением большей употребительностью отличается предлог ***с*****:** *прие́хал с горо́да (-у), принёс с ле́су.*

16. В конструкциях с объектно-целевым значением с формой В. п. существительных при глаголах движения со значением «сходить, чтобы забрать, принести» в обеих группах забайкальских говоров большая употребительность присуща предлогу ***по***: *пошли́ по я́году, съездить по дрова́, пайдешь па ко́ни, па каро́ву хади́ла.*

17. Повсеместно встречается повторение предлогов в конструкциях сущ. + сущ. или мест. + сущ. при втором дополняющем члене: ***з*** *де́ткой* ***са*** *ста́реньким расли́,* ***у*** *нас* ***у*** *сасе́дей бы́ло два Васи́ля.*

18. В забайкальских говорах широко распространено употребление усилительной несогласуемой постпозитивной заударной частицы ***-то****: село́-то, ру́сску пе́чку-то, дома́-то.*

19. Повсеместно и активно употребляется полисемантичная частица-союз ***дак:*** *Ради́тели ту́т-ка, дак куды́ де́несся. Суп свари́шь, дак ни хо́чат ись.*

20. В забайкальских говорах активны указательные местоимения-частицы ***евон / эвон, ево /эво, евот / э́вот****: е́ван он набра́л, э́вана кака́ де́фка, е́вот кака́ вы́росла, э́вот кака́ ря́сна,* в которых совмещается функция оценки.

Рассмотренные относительно устойчивые фонетические и грамматические регионализмы, которые являются общими для обеих региональных подсистем, становятся вместе с забайкальскими лексическими регионализмами основой формирования на территории Восточного Забайкалья наддиалектного единства – забайкальского регионлекта, который приходит на смену русским говорам и в котором в большей степени будут представлены общенародные языковые черты, в частности общенародного просторечия, и в меньшей – особенности диалектного происхождения.

Литература

1. *Калашников, П.Ф.* К изучению говора семейских / П.Ф. Калашников // Труды кафедр русского языка вузов Восточной Сибири и Дальнего Востока / отв. ред. Ж.С. Сажинов. – Улан-Удэ, 1966. – Вып. 4. – С. 26 – 36.

2. *Копылова, В.И.* Фонетическая система говора семейских Красночикойского района Читинской области / В.И. Копылова. – Улан-Удэ, 1973.

3. *Селищев, А.М.* Диалектологический очерк Сибири / А.М. Селищев // Избранные труды. – М., 1968. – С. 223 – 389.

4. *Юмсунова, Т.Б.* Русские старообрядческие говоры Забайкалья: особенности формирования и современного состояния: дис. … д-ра филол. наук / Т.Б. Юмсунова. – М., 2005.

УДК 811.161.1

Э.Р. Каюмова
Научный редактор: доктор филологических наук, профессор И.А. Сыров

ГРАФИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ЖЕНСКИХ ЖУРНАЛОВ)

В современных публицистических текстах наблюдается устойчивая тенденция к преобразованию собственно вербальной коммуникации в видеовербальную, что находит свое выражение в специфическом графическом оформлении представляемой информации. В частности, тексты женских журналов характеризуются использованием графонов. В статье рассматриваются способы образования графонов и их функции в тексте.

Публицистический текст, женский журнал, графическое оформление текста, графон, графодериват.

Modern publicistic text is characterized by a strong tendency to transform verbal communication into video-verbal one, that finds its expression in specific graphic design of the information given. Particularly the use of grafons is peculiar to women's magazine texts. The ways of formation of grafons and their functions are considered in the article.

Publicistic text, women's magazine, graphic design of the text, grafon, grafo-derivative.

Типологические особенности публицистического текста, связанные с функциями женских журналов, обусловленными особенностями целевой аудитории и прочими факторами, находят выражение в материальной языковой форме через структуры разных языковых уровней (фонетического, лексического, словообразовательного, грамматического и других систем, выделяемых соответственно ярусам (уровням) языка). К примеру, фонетический уровень находит свое отражение в графике письменных текстов.

Общепринятым обозначением всех видов и спосо-